

Н. Кащеев: Математическими функциями о человеческих судьбах

<...> Все началось с интереса к наукометрии. Это отрасль человеческого знания оценивает труд ученого количественно, по приоритету, которым он пользуется в пределах какой-либо науки. Нужные для этого подсчеты проводятся по ежегодным реферативным журналам с краткими сведениями о научных публикациях, изданных в стране и за рубежом.

Когда в нашем городе в продажу поступили два тома (*за 1991–1994 гг. вышло четыре тома*) книги «Боль людская» со списками жертв репрессий на томской земле (*18 тыс. незаконно репрессированных по политическим мотивам — 58-й статье — и реабилитированных впоследствии*) у профессора Стромберга появилась идея использовать приемы наукометрии для научного анализа хода репрессий над нашими земляками в 1927–53 годах, т.е. в тех временных рамках, которые задали себе Анатолий Петрухин и Валерий Уйманов, авторы и составители книги-мартиролога.

Исследователь разбил репрессированных сначала на 15 социально-профессиональных групп, а затем на 31 подгруппу, построил ряд графиков и гистограмм и выявил некоторые статистические закономерности, не лежащие на поверхности тех давних трагических событий. Не буду утомлять читателя техническими подробностями труда профессора Стромберга, лишь познакомлю с некоторыми его результатами.

Еще раз подтвердилось, что карательным мерам подвергались все слои советского общества. Две трети репрессированных (65,2 %) были расстреляны. Это средние цифры. Шанс быть расстрелянным превышал 80 % для репрессированных преподавателей вузов и бухгалтеров. С такой же «процентностью» уничтожались шоферы, возчики, дворники и одиночки вне коллектива. Наиболее «везучими» в этом отношении оказались репрессированные студенты: лишь каждый десятый из них получил пулю.

Анатомия репрессий получает наилучшее разъяснение, если по примеру А.Г. Стромберга разбить кровавую четверть века на четыре периода: 29–36-й годы,

37-й год, 38-й год и 39–53-й годы. Представители 16 из 31 выделенной подгруппы расстреливались только в 1937–1938 годах. Для десяти других подгрупп верно то, что не менее 90 % их состава были расстреляны лишь за эти два года. По-иному обстоят дела у крестьян-единоличников, которых власть активно репрессировала с 1929 года. Их в 1937 году только «добивали».

Деятели церкви, репрессированных в 37–38-м годах, по выкладкам А.Г. Стромберга, только расстреливали.

В целом самую кровавую жатву снял 37-й год. Далее на значительном удалении следует 38-й год. И у этих 365 дней есть своя жуткая особенность. Те, кого десница террора коснулась в этот период, имели наименьшие шансы избежать смертной казни и отделаться сроком. Видимо, «призыв» 37-го был столь многочисленен, что в лагерях не хватало места для «новопоступленцев», и потому машина социалистического правосудия была переведена на режим почти поголовного уничтожения. В периоды 1928–1936 и 1939–1953 годов размах репрессий был много ниже. Следует, правда, учесть, что в книге «Боль людская» нет сведений о таких видах репрессий, как раскулачивание, депортация народов и прочих антинародных акциях государства. Не буду пересказывать все выводы работы А.Г. Стромберга, которая до своего опубликования должна сохранить достаточный элемент новизны. Ограничусь лишь тем, что изложу здесь одно общее заключение автора: чем более независим от государства по роду занятий был человек, тем опасней оказывалась его жизнь в социалистическом обществе. Например, рабочий крупного государственного предприятия имел больше шансов уцелеть, чем рабочий сельхозартели. На самом рискованном месте находились одиночки, ускользавшие из-под пригляда «трудового коллектива», т.е. осведомителей ГПУ-НКВД. Таких вычеркивали из жизни, не слишком затрудняя агентуру.

Впрочем, универсального характера этот принцип не имел и носил скорее форму тенденции, чем строгого правила.

Это лишь короткие комментарии к оригинальной <...> работе профессора Стромберга, осмысливающей трагедию России методом точных наук. Настала наконец пора спокойного анализа кошмаров отечественной истории, и такой анализ вдумчиво ведется.